

В "чужом пиджаке"

— Перед приходом к вам я спрашивала людей: "Как вы думаете, сколько Тамаре Макаровой лет?" Большинство склонилось дать вам не более 75. Как вам удалось надолго всех очаровать?

— Мне, Наталья Александровна, уже не 75. На будущий год, 13 августа, будет 90. Когда я эту цифру произношу, сама немножко содрогаясь. От прошлого никуда не денешься. И сколько еще мне отмерено в будущем? Наверное, чуть-чуть.

— К счастью, время вас щадит...

— Что значит "щадит"? Не понимаю.

— Вы хорошо выглядите. У вас сияющие глаза и прямая спина. Ваш голос узнаешь из тысячи других — никаких возрастных наслоений, в нем сохранилась былая игра оттенков.

— Мне лестно, что вы так меня воспринимаете. Вы меня воодушевляете.

— А когда началась актриса Тамара Макарова?

— В кино мне удалось войти очень естественно. Я — ленинградка и жила рядом с "Ленфильмом". Как-то ассистентка известных режиссеров Козинцева и Трауберга остановила меня на улице: "Не хотите ли, девушка, сниматься в кино?" Какая девушка не хочет сниматься?.. Меня взяли в картину "Чужой пиджак" без всякой подготовки. Я играла машинистку-вамп, сердцеедку, хотя я ничего не умела. Роль роскошная. А рядом — большая плеяда известных артистов: Герасимов, Костричкина, Жеймо... Моя эксцентричная машинистка соблазняла всех.

— Полагаю, вы впервые учились соблазнять? От природы вы кокетливая?

— Не-ет. Но быстро поняла, что произвожу на мужчин некоторое впечатление. Какая-то уверенность в себе у меня была, не скрою. И, вероятно, это мне пригодилось. Но перед камерой у меня было совершенно непрофессиональное поведение. "Чужой пиджак" знаменителен для меня вдвойне — я там встретила с Герасимовым.

— Вы его по роли тоже кадрили?

— Я соблазняла все! (Хохочет.) Я была не-утомима. Вот с этого все началось.

— И Сергей Аполлинарьевич начал за вами ухаживать?

— Да, вскоре. Он был элегантным актером. Фильмы Козинцева и Трауберга, "СВД" и "Новый Вавилон" сделали его "звездой" экрана, respectable человеком. Мы с ним встречались главным образом в клубах, на танцах. Я танцевала отлично, и он любил танцевать. Тогда были модными чарльстоны.

— И вы тоже чарльстонили?

— Да-а! Настолько, что оказалась на сцене вместе с друзьями. Фастовцы — Кузьмина, Костричкина, Жеймо, Герасимов и я — создали маленький ансамбль и даже выступали в филармонии. Представляете?

— В картине "Семеро смелых" вы надолго ранили сердце Петра Алейникова. Говорят, вы сыграли в его жизни роковую роль?

— Как ни удивительно, я об этом узнала только теперь, из передачи Скороходова, который сделал картину об Алейникове. Петр никогда своих чувств не высказывал. Я замечала хорошее, несколько восторженное отношение ко мне. И все. Мне не могла прийти в голову мысль, что я внушила ему более сильные симпатии. Он был очаровательный. Его обаяние сопутствовало ему всю жизнь, несмотря на возраст и на болезни. Я очень его любила. Петр Алейников имел настоящее сердце.

— А сколько длилось ухаживание Герасимова?

— Около года. После чего мы соединились и прожили вместе длинную жизнь.

— Сложился определенный ореол светскости вокруг вашей семьи. Этот "бонтон" вам достался по наследству?

— Да никакой безусловной светскости в моем роду не наблюдалось — это Герасимов из дворян. Мой отец был военным врачом. Детство мое протекало в Гренадерском полку, в атмосфере военных традиций и некоторого романтизма. Я была влюблена и до сих пор помню свою влюбленность в поручика Данилевского. И когда в нашем доме бывали сборища и начинались танцы, я цеплялась за красавца поручика и не давала ему танцевать: я его ревновала.

— Сколько годиков было влюбленной?

— Лет пять.

"Маскарад" и жизнь

— Легко ли вам приходилось в самом начале вашей семейной жизни?

— Жили мы очень скромно. Герасимов решил перейти в режиссуру — Козинцев взял его к себе ассистентом режиссера. Я училась, и, естественно, средств было мало. У нас была комната в два окна, и я никак не могла купить занавески, предел моих мечтаний. И тут Сережу призвали в армию. Но мы надеялись, что его вскоре отпустят, поскольку еще в ФЭСТе во время съемок Сергей упал с лошади и повредил ногу.

— "Вода в коленке", да?

— Именно. Вот и говорит он мне: "Если меня освободят от призыва, я куплю эти шторки..." Сижу я как-то в одиночестве на окне — и вдруг радость: идет Сережа! Его освободили, и не на какой-то срок, а совсем. И принес муж две циновки на окна, первое богатство нашей семейной жизни. Все, что вы сейчас видите, зарабатывалось постепенно, ни от кого наследства мы не получали.

— Кинозвездой вы стали у Герасимова. Помню свое впечатление от "Учителя". Вы там так пластично двигались и такая грациозная, что я подумала — не в балете ли нашел вас режиссер.

— Вы правильно догадались. Я уже должна была поступить в балетную школу Маринского театра, но отец не разрешил. Мне, конечно, хотелось стать балериной, но я не жалею, что изменила своей первой увлеченности. Кино открыло мне гораздо больше, чем мог бы дать балет.

— В герасимовском "Маскараде" поражает сдержанность тона, какая-то домашняя интонация в произнесении поэтического текста. Трагические монологи звучат без высокого пафоса.

— Для меня было счастьем играть Нину. Сами понимаем, XIX век, милье условности, привычки, костюмы, музыка, прекрасные стихи, написанные совсем еще молодым гением, и какая-то особенная органика, которая сопутствовала всей съемке. Картина была снята за удивительно короткий срок — всего за 4 месяца! И вот, счастливые и возбужденные, мы приходим на художественный совет "Ленфильма" 22 июня 1941 года сдавать картину, а нам говорят испуганным голосом: "Слушайте радио". И мы услышали голос Молотова — война! Копии фильма все-таки напечатаны, и "Маскарад" пошел по стране. В Ленинграде его сеансы прерывались бомбежками, и надо было бежать в убежище... Картина оставила во мне глубокий след. Я и не подозревала, что способна играть трагедию. А потом и сам фильм сопровождался трагическими житейскими и социальными обстоятельствами. Что-то обязательно случилось вокруг премьерных показов "Маскарада" — на сцене и в кино. Мистика витает рядом с Лермонтовым.

— Где вы провели войну?

— Мы остались в Ленинграде. Колотозов с Герасимовым делали полудокументальную картину "Непобедимые" — об эвакуации и о тех, кто остался в городе на Неве. Однажды этот фильм мы показывали где-то на Урале, и в момент, когда на экране проходила ополченец, вдруг закричала женщина — среди ополченцев она увидела мужа. Меня поразило ее крик: "Володя!" Она подбежала к нам,

стала расспрашивать. А что мы могли рассказать о солдатах? Где они сражались и где погибли?..

— Я слышала, будто Герасимов снимал парад Победы на Красной площади.

— Да, он был тогда директором студии документальных фильмов и занимался хроникой. Знаменитое действо с брошенными фашистскими знаменами — это его режиссерская выдумка.

— Очень эффектная сцена получилась. А я думала, что это непростой военный ритуал.

— Герасимов сам был военным. Я уж не помню, в каком чине. Мы тогда все стремились хоть чем-нибудь послужить Отечеству. Работать в госпитале меня никто не призвал и не просил — я сама пошла. Велением сердца. Работала сестрой, потом меня перевели в нейрохирургическое отделение, где лежали с пролапсом мозга. Тяжелое это ранение. Я говорю об этом не за тем, чтобы как-то возвысить себя, а просто чтобы подчеркнуть гуманное начало в каждом человеке. Если бы об этом свойстве личности помнили сейчас!

Любовь и пельмени

— Вы с Герасимовым много путешествовали по заграницам. А одна выезжала?

— Одна я выезжала в Италию с картиной "Каменный цветок". (На стене висит портрет Т. Ф. в этой роли. Ее романтично написала чешская художница Людмила Иржинцова. На полотне — сказочно обворожительная женщина. — Н. Д.) Меня

Под созвездием Льва

Актриса Тамара Макарова: "Любовь невозможна без ревности"

Первая роль в картине "Чужой пиджак".

Герасимов и Макарова: дуэт длиною в десятилетия.

Макарова: «Уверена, что мы встретимся...»

хорошо там встречали.

— И вот тогда у вас появился рой поклонников?

— (Смеется.) Было дело. Было. И не только подкадрить — позвать на съемки пытались. Один американский продюсер говорил мне, что он постарается осуществить свой проект — снять "Анну Каренину", а я буду ее играть. Вернувшись домой, я рассказала об этом. Слух дошел до нашего друга Колотозова. Будучи заместителем министра кинематографии, он высказал мне свое официальное возмущение: "Как вы могли дать повод подумать, что вы поедете куда-то сниматься?" Проекту не суждено было осуществиться. Я и сейчас чувствую, что могла бы сыграть Анну. Я ее очень понимаю, хотя эта женщина вопреки моим идеалам. Не люблю таких порабощенных своей страстью женщин.

— Когда Герасимов снимал фильм о Толстом, вы использовали интерьеры усадьбы в Ясной поляне?

— Да, допустительно снимать даже в комнате Софьи Андреевны, а мне разрешили быть в ее постели во время съемок одного эпизода.

— Покровительствовали вы, Тамара Федоровна!

— А еще я побывала в постели царицы Натальи Кирилловны в Кремле, когда снимали "Петра Первого". А в Италии, в Вероне, когда мы посетили склеп Джульетты, я от восхищения залезла в ее могилу.

— И не страшно вам было?

— Что вы! Я гордилась собой, но своим экстравагантным поступком немного испугала итальянских спутников.

— Это же чисто литературная могила. Все остальное — дело воображения. Я слышала, что в небольшом итальянском городке есть би-

стро, где делают пельмени "А ля Герасимов". Это правда?

— Да, там Сергей делал пельмени. Он везде, где бывал, угощал своим поварским искусством.

— Мы, зрители, всегда считали, что вы много моложе Герасимова.

— Да что вы!

— Может, потому, что он был лысым...

— Сергей облысел с молодых лет. На 90-лети Герасимова в Доме кино я сказала: "И мне уже скоро век". Не знаю, как поняли мою гиперболу, но уточню: я на один год его моложе.

— Дай Бог всем женщинам в 75 выглядеть так женственно, изящно, как вы в свои 89. Питаетесь амброзией?

— Ем все, но мало. Пользуюсь французской подкачкой: "Имей сильные руки, чтобы отодвинуть все лишнее". Это мой девиз. А в остальном я себя не мучаю. Обязательно — гимнастика и холодный душ. Без этого не могу.

— Простите мою бестактность, но очень хочется узнать: как вам удалось сохранить зубы?

— Я очень боялась дантистов, жужжания бормашин, шипцов и прочая. Поэтому очень слезу, чтоб было все в порядке.

— Ваше отношение к макияжу?

— Особенно не красилась, единственное, что делала всегда, это ресницы: если не успевала намазать, то мне казалось, что я не одета. Немного и сейчас подкрашиваю.

Ее слава все время шла рядышком с Сергеем Герасимовым, кинорежиссером, автором множества ярких лент. Супруги к тому же были профессорами ВГИКа, их ученики — актеры и режиссеры, как правило, становились "звездами"! Десять лет нет Сергея Аполлинарьевича. С Тамарой Федоровной легко общаться, потому что она живет страстями нашего времени. Приветливая, смешливая, гостеприимная — ее доброты хватят на всех.

С Ликой наедине

Серенькая, маленькая собачонка — мальтийская болонка Лика — чужих встречает пронзительным лаем: боится, что обидят ее друга. Во время нашего разговора Лика, взобравшись на колени Т. Ф., долго лизала ей руку.

— Лика знает, что не она у меня, а это я у неэ, и служить ей должна преданно. Такая крокодилька.

— Тамара Федоровна, на вашем мизинце кольцо с двумя жемчужинами. Это какой-то талисман?

— Нет. Это символ единства двух.

— Сергей Аполлинарьевич, наверно, задавал вам украшениями?

— Украшения не дарил. Я сама себе дарила. Он приносил цветы. Из-за границы привозил вкусные духи...

— Судя по картинам, вы человек страстный, хотя и вышколенный, загоняющий страсти внутрь. И, наверно, часто влюблялись?

— Ну, конечно, как всякая женщина.

— Герасимов вас ревновал?

— Наверно. Я тоже его ревновала. Подлинная любовь не могла быть без этого.

— Сцены ему устраивали?

— Дома выговаривала. Иногда. Чаще в душе тайла ревность. Ведь ревновать можно не только к человеку, но и к обстоятельствам, к прошлому, к привычкам. Ревность — понятие обширное.

— Я вижу у вас на столике прекрасный срез яшмы.

— Вглядитесь — здесь лик Божией Матери... Я люблю камни. Простые — тоже. Говорят, некоторые камни надо класть в изголовье для сна и хорошего самочувствия. Я знала женщину — она лечила прикладыванием камней. Я не лечилась. О результатах не знаю, но допускаю полезность минералов. Природа так загадочна и таит много неизвестного. Ухоdit человек, так и не узнав о ней до конца. Люди, не способные удивиться новому, вроде бы и не живут. Иосиф Прут как-то пошутил: "Если ты утром проснулся, и у тебя ничего не болит, значит, ты мертв". Так что — не будем пугаться, если с нашим здоровьем не все в порядке. Поборемся!

— Что вам хотелось бы заново пережить?

— Все восстановить! Все прожитое мне интересно. Если бы чудо было возможным, я вновь бы все повторила и замуж за Герасимова вышла.

— Самое романтическое ваше впечатление?

— Поездка на Урал, где Сергей родился, на озеро близ Челябинска. Там открылся его юношеский облик, о котором никто не догадывался: он быстро ходил по лесу, восторгался каждой невиданной, поспивывал, напевал из опер или казачьи песни. Находил только ему ведомые места, где росли маслята или белые. Он сбрасывал годы и какие-то вериги, которые нес по обязанности разного рода. С ним никогда я не скучала.

— Одиночество — тяжелая ноша. Как вам удаётся справляться с ним? Наверно, помогают святые, которые вас окружают?

— Я сохранила устойчивость в быту: все стоит, висит на тех же местах, даже книжки те же переставляются. Остались старые привычки, только, к сожалению, я одна в них участвую. А потом мне очень помогла работа над книгой "Послесловие" о Герасимове. Это долго оставалось моим стимулом. Одиночество меня не пугает. Я люблю быть одна — быть собой. Мне не скучно. Кстати, не люблю вспоминать и возвращаться к прошлому. Люблю жить сегодняшним днем и как-то думать о том, что станет со мной в ближайшем будущем. Со мной не как с натурой, а как с человеком, живущим в сегодняшнем обществе. Мне это очень интересно. Все эти наши современные катаклизмы я очень близко принимаю и быстро реагирую, хотя внешне я будто бы далеко от них.

— Окно закрыто, а гул и тревоги проходят через ваш дом?

— Очень точно. Во мне все это трансформируется, из одного в другое переходит. И вот что важно: меняются мои оценки. Возникают какие-то догмы, потом сама же их и опровергаю. Нахожу новые опоры, чтобы появлялись какие-то жизненные цели, ведь без них нельзя.

Я не могу принять жалобы: "Все плохо!" Все плохо быть не может. Солнце заходит — появляется луна. Одни цветы отцветают — другие раскрываются. Понимаете, если перестанешь сопоставлять и видеть движение, тебе конец. Нужно уметь замечать ростки нового. А если каждое утро встречать стоном, а вечером не благодарить Бога за прожи-

тый день, а только жаловаться и причитать, — это же с ума можно сдвинуться.

Горечь потерь

— Несколько лет назад я была у друзей-художников. И там мне показали вашу дачу. Подошла к калитке — ни души. Соседи сказали, что вас нет. Ну, думаю, в следующий раз мне повезет больше. А вскоре друзья сообщили, что дача Герасимова и Макаровой сгорела. Как это случилось?

— Женщина, которая там у нас оставалась, не завернула газовый кран, а печка топилась. Газ вспыхнул. К счастью, сгорела лишь верхушка. Я узнала об этом только по телефонному звонку. Горько рыдала, а потом вняла уговорам Герасимова и стала думать, как делу помочь. Это случилось примерно за год до смерти Сергея Аполлинарьевича. Пришлось мне все восстанавливать самой.

— Ваши славные ученики вам не помогали?

— Я стесняюсь обращаться.

— Они и сами без просьб могли бы нагреть.

— Этого не случилось. Я сейчас редко там бываю — у меня нет машины.

— Вы по характеру могли бы водить машину.

— Я и водила, но въехала в березу, стукнула машину и сказала себе: "Но пасаран". Герасимов не водил — не мог, слишком углублялся в себя. Выпускать его на дорогу было бы опасно. Женщина, по-моему, легче сосредотачивается, чем мужчина.

— Да, мы, женщины, — более пронзительные существа.

— Можем что-то предвидеть, предощутить... Вероятно, я излишне патриархальна. Но это дает мне ощущение значительности и справедливости бытия. Мне так кажется.

— Вы не считаете себя обделенной, что у вас не было детей?

— Так угодно было Богу. И не стану роптать.

— Тамара Федоровна, я понимаю, как вам трудно говорить на эту тему, но очень прошу вас рассказать о вашем приемном сыне Артуре Макарове.

— Артур был сыном моей родной сестры Людмилы. История ее семьи поистине драматическая. Ее муж, отец Артура, был в Смоленском, когда убили Кирова. Как и всех, кто в тот день посетил Смоленский, его арестовали и надолго сослали. Было это в 34-м году. Потом арестовали и Люсю... Мы пережили большие семейные катаклизмы. Когда мы находились в Ташкенте, Артур был с нами. Люся, а у нее родилась дочка Эмма, не возражала, чтобы мы с Сергеем усыновили Артура. Идем мы в загс, чтобы все оформить, а 12-летний Артур говорит шутя: "Ну, хорошо, я стану Макаровым. А отчество у меня будет Тамарович?" — "Нет, дорогой, — сказала я, — ты будешь Сергеевичем". Артур был человеком романтическим, воспитанным на классической литературе. Он сам прекрасно писал. Его ценит Твардовский и поместил в "Новом мире" первый рассказ Артура Макарова. Он стал хорошим кинодраматургом, написал множество сценариев, главным образом детективного свойства. Наиболее известные "Один шанс из тысячи", "Приезжая", "Порох", выпустить две книжки прозы. Вероятно, покажется нескромным, но мне представляется его проза интересной и талантливой. Артур понимал природу и характер деревенского человека и всю атмосферу крестьянского быта. В духовном плане перед ним открывались хорошие перспективы...

Но не стало Сергея Аполлинарьевича. Пришли тяжелые перемены. У меня пенсия, и все определено какими-то рамками, доходов никаких. Сейчас нельзя обеспечить себя сценариями. И в последнее время я чувствовала, как Артуру трудно в чуждой среде, в деловом мире. Он хотел вернуться к литературе... Но все оборвалось — он был убит. Наша рана еще кровоточит. Прошло уже 6 месяцев. Образовалась какая-то дыра, будто я в нее сама попала.

— А дети у Артура остались?

— Детей не было, Бог так решил. Остались его книги, сценарии и фильмы. И наша печаль.

Куда улетели стрекозы?

— Считаете ли вы себя политически ангажированной?

— Творческому человеку опасно утонуть в политических играх.

— Люди старшего поколения любят уповать на прошлое и уныло брюзжать. Ваше любимое состояние?

— Я люблю созерцать. И вот что я заметила: постепенно многое исчезает. Куда-то мигрируют грибы. Как странно... А мы-то удивляемся, что с годами меняется человек. Вы можете мне объяснить, куда подевались стрекозы? Где они летают? Само слово, столь любимое в чеховские времена, вышло из употребления. А жаль. К моему ужасу, сейчас так называемая творческая интеллигенция без стеснения матерится, и даже женщины.

— На ваш взгляд, чего не хватало и не хватает нашим министрам культуры?

— Для министра культуры нужен иной масштаб. Простите, но я сравню. Сергей Аполлинарьевич обладал первенством мысли. Для руководителя оно необходимо. Но этим качеством далеко не все обладают. Наши государственные мужи, к сожалению, не всегда это понимают и сильно заблуждаются на свой счет.

— За кого вы проголосовали?

— Я голосовала за Бориса Ельцина, хотя он уж слишком доверял своему окружению. Посмотрим, что сделает при Ельцине наш Робин Гуд — Лебедь. Хочется верить, что ему удастся реализовать свой план борьбы с коррупцией и беспределом. Так уж сложилось, что мы сегодня очень политизированы. В политике, если увязнешь, то зайдешь слишком далеко.

— Тамара Федоровна, вы по гороскопу Лев. Американский астролог Донна Миклер пишет, словно про вас: "Львы смелы, добры, они прекрасные актеры... В самом облике человека, родившегося под знаком Льва, есть что-то царственное". Среди достоинств Льва — преданность, изысканность, артистизм. А среди отрицательных сторон — эгоцентризм, склонность к деспотизму. Ключевая фраза Льва — "Я повелеваю". Вы согласны с Миклер?

— Я бы, вероятно, вместо "деспотизм" назвала духовное упорство в достижении главных целей, но не в мелочах. Это я отнесла бы к себе.

— Гороскоп называет еще безжалостность к врагам.

— Я не могу сказать, что была беспощадна к своим врагам. Но людей, которые были моими недоброжелателями, я просто не замечала и не замечало, если они до сих пор еще сохранились. Я о них никогда не помню. Это очень утомительно — разжигать в себе злость.

— Конечно, лучше улыбаться.

— Для улыбки есть повод. Кинематограф отапливает время. У зрителя, посмотревшего старый фильм, порой смещается календарь. Очень смешно, но я до сих пор получаю письма от новых поклонников. Недавно совершенно незнакомый мужчина прислал послание: "Тамара, я буду проездом в Москве. Надо бы встретиться". Видите, молодой человек время в расчет не принял... Картины живут, и это дает мне повод лишний раз улыбнуться.

К 90-летию Сергея Герасимова Тамара Федоровна подготовила и выпустила книгу воспоминаний "Послесловие". Книга с рисунками и фотографиями, завершается ее "Неотправленным письмом" любимому. "Я благодарю тебя за все! И уверена, что мы непременно встретимся. Том".

Наталья ДАРДЫКИНА.